

A detailed illustration of a young man and woman in a garden of blue and white roses. The man has long, wavy red hair and golden eyes, wearing a dark green jacket over a brown vest and a white shirt. He is embracing the woman from behind. The woman has long, dark purple hair and bright blue eyes, wearing a teal off-the-shoulder dress with a lace collar. She is looking directly at the viewer. The background is a dense field of roses in various shades of blue and white.

ЦВЕТЫ
— для —
МЁРТВОЙ
НЕВЕСТЫ

— МАРИЯ ПЕРЦЕВА —

18+

Мария Перцева

Цветы для мёртвой невесты

«Автор»

2026

Перцева М.

Цветы для мёртвой невесты / М. Перцева — «Автор», 2026

В один летний день она лишилась семьи, потеряла любимого и похоронила себя. В несмелых попытках жить дальше Индарин работает в цветочной лавке, не подозревая, что наследник рода Тавеаль давно и безоговорочно влюблён в неё. И когда лёд в её сердце даёт первую трещину, вместе с надеждой на счастье возвращается страх: что, если её любовь — это проклятие, несущее гибель тем, кто ей дорог? История о том, что не все раны заживают, даже если рядом тот, кто готов отдать за тебя жизнь.

© Перцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Перцева

Цветы для мёртвой невесты

Глава 1

Осень, 3376 год.

Стук дождя по стеклу успокаивал. Благодаря непогоде покупателей почти не было, и в душе Индарин разливалось блаженное спокойствие. Горячий чай согревал озябшие пальцы, мысли неторопливо текли одна за другой. Она ждала его всё это лето и сейчас то и дело поглядывала в окно, подолгу провожая взглядом стекающие капли, а затем вновь возвращалась к цветам.

Букет, над которым она работала, вышел каким-то тоскливым. Бутоны белых роз были ещё плотно сжаты, но через несколько дней они раскроются и покажут миру синюю глубину своей сердцевины. Кто-нибудь обязательно заметит скрытую красоту и купит букет.

К концу подходил первый месяц осени. Экзамены в столичной академии Лантарга вот-вот закончатся, и город наполнится ликующими выпускниками со всего острова. Один такой непременно заглянет в цветочную лавку, начнёт хвастаться и оправдываться за то, что не приходил всё лето. Он скорее всего будет морщить нос, когда начнёт смеяться, станет поправлять длинные рыжие волосы, когда занервничает, задержится у порога, прежде чем выйти, словно надеясь, что она его остановит.

Почему она думает о Моглисе? Зачем ждёт его в дождливую погоду? И вообще, с чего бы ей его ждать? *«Просто привычка»*, — убеждала она себя. В прошлые каникулы он торчал в лавке безвылазно, словно у него не находилось больше дел. Говорил без умолку: о пустяках, о цветах, об учёбе, и как только язык не уставал?

Уже много лет подряд, каждое лето, в начале месяца, он появлялся. Сначала робко, потом всё увереннее, обычно с поручениями от отца, потом под каким-нибудь благовидным предлогом, а в конце — просто так. Она привыкла к этому ритуалу, к неугомонному мальчишке, к его голосу, к пристальному взгляду медовых глаза, к его шуткам и бесконечным рассказам о редких сортах.

Индарин воткнула последний стебель в вазу и выпрямилась. До конца рабочего дня оставалось всего ничего. И с каждой минутой вероятность, что придётся идти домой под дождём, становилась всё выше.

— И как нам теперь возвращаться? Не прекращается, — вздыхала её коллега Аргин. Они думали об одном и том же. — День в пустую...

— Да уж...

Индарин сняла фартук, разгладила тёмное платье с белым кружевным воротничком и зашла за прилавок. Прошло уже много лет с тех пор, как она стала носить траурные цвета.

Ровно девятнадцать лет со дня Прорыва Фуй. С того дня, как над цветущими северными землями острова Афадеус сомкнулась туча крылатых тварей с острыми клыками и уничтожила всё живое. Скот, взрослых, детей... Осталась только она одна.

Когда в лавку вошла молодая женщина с корзинкой, Индарин обрадовалась — появился хоть какой-то повод отвлечься. Покупательница взяла букет осенних хризантем, оставила на прилавке пять медных монет и мокрые следы от грязной обуви на полу, после чего поспешно удалилась.

Индарин принялась мыть пол. Из подсобки доносился голос Аргин: она наливала себе уже седьмую чашку чая и со вздохом советовала подруге присесть и не мельтешить. И тут

дверь снова распахнулась. На чистый пол, вместе с потоками дождевой воды, шагнул человек в лёгком плаще.

Индарин замерла, сперва не поверив своим глазам.

Она знала, что двадцать восемь лет — примерно тот возраст, когда парня уже сложно назвать мальчишкой. Но ещё в начале года Моглис не выглядел настолько взрослым. Тёмные от влаги рыжие волосы свободно падали на плечи, смуглая кожа блестела от влаги, только раньше лицо его было совсем другим... Или она успела забыть.

— Здравствуйте, Индарин, — сказал он, глядя так, будто не видел её целую вечность.

— Здравствуйте, Моглис, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как прошли экзамены?

Он улыбнулся шире, обнажая белые крупные зубы, отчего показался ей ещё старше, чем она привыкла считать.

— Сдал. С отличием.

— Поздравляю.

— Благодарю...

Он приблизился к прилавку, и она опустила взгляд. Моглис молчал, словно чего-то ждал от неё, но Индарин растеряла все слова.

— Всё лето готовился, — продолжил он, вроде бы оправдываясь за своё отсутствие. — У меня лучший балл среди выпускников.

— Вам вручат награду? — предположила она, хватаясь за эту мысль. — Мм... на Афа-деусе лучших учеников чествовали на главной площади. Вас тоже ждёт церемония?

— Да, — он кашлянул. Было ясно, что разговор идёт не по его плану. — Но это в следующем месяце. Вы ведь не сердитесь на меня?

— Что вы, с чего бы... Хотя если бы вы прохладжались в лавке перед выпускными экзаменами, я бы, наверное, рассердилась.

— Я? — он тихо рассмеялся. — Я не бездельничал, а всегда...

Из подсобки вышла Аргин — поздороваться с хозяйским сыном. Раскланялась, любезно предложила горячего чаю, а когда он отказался, с укоризной заметила, что он непременно простудится, и снова скрылась за дверью.

— Индарин, я хочу кое-что у вас спросить.

— М?

— Я уже давно хочу вам сказать, Индарин, — он говорил негромко, словно ему не хватало воздуха. — У меня есть для вас приглашение. Я пришёл, чтобы вручить его. Прошу, примите.

— Куда оно? — она осторожно взяла красный конверт из его длинных пальцев.

— На праздничный вечер в имении Тавеаль. По случаю моего выпуска.

— Моглис, — недовольно выдохнула Индарин. — Это не смешно. Мне там не место.

— Я и не думал шутить. Это приглашение — моё искреннее желание видеть вас там. Прошу, не отказывайтесь. Мы ведь знакомы уже много лет. Разве этого недостаточно?

Обижать его и впрямь не хотелось. В голову пришли десятки причин для отказа, но они встали в горле не желая складываться в слова. Моглис криво улыбался ожидая отпора, готовясь вступить в спор и начать уговаривать. Индарин знала: переспорить его не удастся.

— Я ничего не обещаю, но подумаю, — коротко ответила она, проводя пальцами по бархатистой бумаге. — Когда состоится вечер?

— В шестой день недели, в семь вечера, — он нервной рукой заправил за ухо мокрую прядь. — В конверте лежит одноразовый порт в приёмную. Достаточно надломить его и он сработает. Вы же придёте?

— Я подумаю.

— Я буду вам безмерно благодарен, если вы разделите со мной этот скромный праздник...

— Кхм, спасибо за приглашение, Моглис, — она грустно улыбнулась. — Обещать ничего стану...

— Ваше присутствие будет для меня лучшим подарком. Ничего другого не нужно, — протараторил он и накинул капюшон готовясь уходить. — Я буду вас ждать!

— До свидания, Моглис.

Стоило за ним закрыться двери, как из подсобки выскочила Аргин уперев руки в бока.

— Ин, в смысле «подумаю»? А? Я чего-то путаю или ты у нас принцесса, которую надо уламывать? Этот парень сохнет по тебе уже который год, а ты носом воротишь!

— Аргин... — она поморщилась.

— Аргин-Аргин! Да пойми ты! Молодой, красивый, наследник древнего рода, — капала на мозг подруга. — Ты с ним такая колючка... нет бы улыбнуться, приобнять. Уже бы замужем была.

— Я была замужем...

— Ин, я понимаю, но ты не должна... ты молодая девушка, тебе самый возраст детей рожать. Зачем ты себя хоронишь?

— Пожалуйста, прекрати.

Последний час до закрытия лавки Индарин считала секунды слушая нотации Аргин. По сути, подруга была права во всём. Ей сейчас сорок один год, некоторые в этом возрасте только начинают думать о браке. Это она без памяти влюбилась и сразу после обязательного года академии стала женой Лийриса. Родители предлагали оплатить полное обучение, но она упёрлась...

Мало кто способен любить так глубоко, как любила она своего мужа. И будь у неё возможность вернуться в прошлое и выбрать, кого спасти ценой собственной жизни, она выбрала бы его. Сколько раз она не корила себя за эту мысль, испытывая стыд перед памятью о матери и младшем брате, но в честных мыслях, она выбирала Лийриса. Боль по утрате мужа была куда сильнее и не ослабла за девятнадцать лет. Боль оттого, что выжила она.

Порой она утешала себя мыслью, что судьба сберегла её по какой-то особой причине. В тот день не последовать за семьёй за грань заставляла мысль о возможной беременности. Но потом... В итоге так получилось, что она просто продолжала жить в ожидании того момента, который оправдал бы её спасение.

Эта выигранная у судьбы жизнь для Индарин определялось не как великое благословение, а как личное проклятие. Её что-то разъедало изнутри, и чем больнее ей было, тем легче она себя чувствовала, воспринимая муку, как плату за неясные грехи.

Как на её родном Афадеусе, так и на Лантарге люди не верили в высшие силы, только в Великих магов, но она, как и жители острова Дарелисы, считала, что боги существуют. Ибо только им ведомо за что ей выпала такая судьба.

К закрытию дождь немного стих. Её дом, в котором ей принадлежала одна комната и угол кухни, находился в двадцати минутах ходьбы. Для столицы это совсем близко, и ей очень повезло купить коммуную комнату настолько близко к богатому кварталу.

По дороге, обходя лужи, она думала о Моглисе и словах Аргин. О том, что подруга права, и о том, что терзало сердце.

Кухня пустовала — соседи либо ещё не вернулись с работы, либо сидели по своим комнатам. В такую погоду и ей хотелось бы лечь спать пораньше, но как заснуть, когда в кармане куртки горит бархатный конверт? На каждом этаже имелась общая кухня и две ваннны комнаты. Индарин жила на втором и в дождливые дни с потолка то и дело капало. Она опустошила пару ковшей с белёсой от штукатурки водой и осмотрела потолки на новые течи, прежде чем отправится в свою комнату.

В соседней спальне обитала Дрейси, с которой они быстро подружились. Третью комнату снимали родители Дрейси, четвёртую — вечно отсутствующий пожилой холостяк. На первом

этаже жила старая женщина и молодая пара, копившая на собственный дом и собиравшаяся вскоре съехать. Остальные две комнаты принадлежали пекарю Нилигусу, благодаря нему на их кухне всегда имелся свежий и бесплатный хлеб, иногда даже пирожки.

Индарин сняла мокрый плащ, повесила его на крючок у двери и вошла в свою комнату. Активировала старый артефакт-свечку и забралась с ногами в любимое глубокое кресло у окна. Выдохнула, зябко поведя плечом. Мягкий свет нехотя разрастался по комнате, разгоняя сумрак, но позволяя видеть очертания тёмной улочки: мокрую брусчатку под фонарями и вывески соседних лавок.

В её комнате нет ничего лишнего: узкая кровать, застланная мягким и толстым кремовым пледом, шкаф с одеждой, стол с выдвижным ящиком, где она хранила письменные принадлежности и детективные романы, которые брала в библиотеке. Стены, как и пол, уже не первый год оставались пустыми.

Бархатный красный конверт приятно скользил в пальцах. Аккуратно сорвав печать, она извлекла письмо, оставив тонкую палочку трансгресспорта в конверте. Индарин даже боялась прикасаться к нему, чтобы случайно не перенестись в имение Тавеаль.

«Уважаемая Индарин Метар! По случаю моего выпуска из столичной академии имени короля Лантарга Даргилара второго имею честь пригласить Вас на праздничный вечер, который состоится в 270-й день года в семь часов. Ваше присутствие станет для меня величайшей честью. С искренним уважением, Моглис Тавеаль».

— Моглис, что ты творишь? — прошептала она в тишину.

Индарин накинула на плечи шаль и подошла к окну. Огни города расплывались в мокрой темноте жёлтыми пятнами. Где-то там стояло имение Тавеаль. Где-то там молодой человек сидел в своей богато обставленной комнате, и думал о ней. О простой работнице лавки, вдове.

Она знала: когда он волнуется, то не может усидеть на месте — ходит, о чём-то говорит лишь бы заполнить тишину. Когда он счастлив — начинает насвистывать дурацкую мелодию. А когда Моглис молчит, глядя на цветы, погружённый в свои мысли — значит, ему грустно. Для женщины, которая не хотела сближаться, она знала о нём слишком много.

Индарин закрыла глаза чувствуя, как что-то внутри неё сжимается и колит между лопатками. Она боялась привязаться к кому-то и снова потерять, ведь счастье не для неё — за слишком прекрасными днями всегда следует утрата. Даже сейчас, в одиночестве, она не хотела признаваться, что ей хочет узнать Моглиса ближе.

Она убрала письмо в ящик стола и переоделась в домашнее платье. Хлопнула соседняя дверь — Дрейси постучала к ней, будто чувствуя её настроение.

— Я знаю ты дома, — зазвучал её звонкий голос. — Ин, я купила у дяди Нилигуса абрикосовый пирог. Ты же любишь абрикосы? Жду на кухне!

Невольная улыбка тронула губы, и на душе стало чуть теплее. С Дрейси ей было гораздо комфортнее чем с напористой Аргин, хотя и ту она... тоже любила?

Да, сколько бы Индарин ни сопротивлялась, у неё были связи с людьми, и в её жизни случались светлые мгновения. Но стоило остаться одной, как чувство вины за эти сладкие эмоции обрушивалось на неё ледяной водой, заставляя содрогаться от отвращения к самой себе. Индарин понимала своё состояние, отдавала отчёт, что так нельзя и она ни в чём не виновата. Не её вина, что все вдруг умерли у неё на глазах. Но она ничего не могла поделать с этой давящей болью.

— Как я могу, — прошептала Индарин, бросая взгляд на ящик стола.

Как можно давать молодому человеку надежду на совместное будущее? Будущее с женщиной, которая мертва внутри. С женщиной, которая неровня ему по положению. С женщиной, которая не способна ответить на любовь без чувства вины.

Когда Моглис появился на portalной площади у цветочной лавки, дождь хлестал по брусчатке, размывал очертания зданий, превращая столицу Лантарга в акварельный пейзаж с размазанными красками. Он не спал этой ночью в ожидании результатов экзамена. Последние, самые трудные дни, отняли все силы, но внутри пульсировало предвкушение.

Четыре месяца — вечность, он и представить не мог, что так трудно будет не заходить в лавку. Каждый день, просыпаясь утром, он представлял, как открывает знакомую дверь, слышит звон колокольчика, видит её за прилавком, как она поднимает голову, и в печальных тёмно-синих глазах мелькает что-то тёплое.

Он запретил себе приходить к ней, не мог позволить себе отвлечься ею. Если бы он увидел её, если бы услышал её голос — он бы уже не ушёл. Бросил бы учёбу и торчал у неё днями напролёт. Он знал это так же верно, как то, что каждое утро восходит Риджуло.

И вот теперь, не замечая, как вода просачивается сквозь лёгкий плащ, а волосы тяжелеют от влаги, он бежал по скользкой мостовой, зная этот путь наизусть, что мог бы пройти с закрытыми глазами.

Он на миг замер, а затем шагнул внутрь. Сердце колотилось так, будто именно сейчас его последний экзамен, самый решающий. Она совсем не изменилась: тёмные гладкие волосы с ярким сливовым оттенком, тот же строгий силуэт в тёмно-синем платье, та же холодная сдержанность. Всё в ней разбивало его и собирало заново.

— Здравствуйте, Индарин.

— Здравствуйте, Моглис, — ответила она, и он уловил в её голосе мягкость, которую она прятала за официальностью. — Как экзамены?

Он улыбнулся шире: «Ей правда интересно?», — от того, что она спросила, внутри разлилось тепло, а кончики ушей вспыхнули жаром.

Она молчала и он готов был смотреть на неё часами, как на картину в галерее, как на холст знаменитого художника Гирисуара из рода Натай. В его тёмных полотнах преобладал хаос и циничный надлом, потеря и живая, пронизывающая смесь чего-то астрономического, потустороннего и недостижимого. И вот она живое воплощение картин Гирисуара... И, ох, как он хотел оживить эту розу в бренном саду уныний! Беспокойное горячее сердце билось в его груди обливаясь слезами, глядя на то, как эта женщина не находит покоя. И он готов был пасть к её ногам и сделать невозможное только бы она вновь познала счастье и вкус жизнь.

«Дай мне надежду — и я умру ради тебя», — он прикусил язык. Знал! Если она поймёт, насколько он безумен в своей тяге к ней то сбежит, назовёт мальчишкой, скажет, что он обманулся и им не быть вместе. Но даже если по каким-то неведомым причинам соединить их жизни невозможно, он мечтал хотя бы рассеять тьму, что гнездится в глубине её сердца.

— Всё лето готовился, — продолжил он, чувствуя, как слова вырываются быстрее, чем он успевает их обдумывать.

Ему хотелось сказать что-то другое: *«Я скучал по тебе. Я не спал, думая о тебе. Ты — единственная, кому я готов подарить своё сердце вырвав его из своей груди»*. Руки его дрожали от нахлынувших чувств, и он словно парил в воздухе, и если бы не остатки воли, он рухнул бы к её ногам.

Из подсобки вышла Аргин, и разговор прервался. С добродушной улыбкой на пухлых губах женщина поклонилась, предложила чаю, но он отказался. Он ждал, когда они снова останутся вдвоём. В кармане лежал конверт с гербом Тавеаль и он боялся, что Индарин откажет, испугается и закроется от него.

— У меня есть для вас приглашение. Я пришёл, чтобы вручить его. Прошу, примите.

Он протянул конверт и спрятал руки, чтобы она не заметила дрожи. Внутри поднималась волна отчаяния, он не хотел давить, пугать, но и отступить не смел. Особенно сейчас.

— Прошу, не отказывайтесь. Мы ведь знакомы уже много лет. Разве этого недостаточно?

Он видел, как она борется с собой, как ищет слова для отказа, но не находит. Индарин осторожно и нежно гладила бархатную бумагу, и это заставил его дыхание сбиться.

— Я подумаю.

Он улыбнулся, не той дежурной улыбкой, а той, что вырывается наружу, когда ощущаешь удачу.

— Я буду ждать!

И, натянув капюшон, поспешил к выходу. Если бы он задержался хоть на секунду, то наговорил бы много лишнего. Выплеснул все свои чувства, весь жар, дрожь и отчаяние, а это неминуемо обернулось бы трагедией и позором.

Она сказала ему «до свидания» и в голосе её послышалось что-то тёплое, почти нежное. Или ему просто хотелось так думать? Выйдя под дождь, он остановился у двери, позволяя холодным каплям остудить пылающее лицо. Затем, закусив губу, сгорая от надежды, зашагал вперёд, не разбирая дороги. Он не замечал луж, хлюпал туфлями, глупо шлёпая на каждом шагу. Внутри него горел огонь, тихий, ровный, тёплый, он сделал всё правильно. Осталось только ждать.

«Индарин», — повторял он её имя про себя, чувствуя, как трепещет сердце в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.